

18+

ЕЛЕНА ГВОЗДЕНКО

Грань безумия

СБОРНИК ДЕТЕКТИВНЫХ
РАССКАЗОВ

Елена Гвозденко
Грань безумия. Сборник
детективных рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56345444
ISBN 9785005107916

Аннотация

Что делать, если сомневаешься в собственном рассудке?
Как доказать непричастность, если сомневаются даже близкие?
Любителям таинственных детективных историй.

Содержание

Грань безумия	5
Из жизни грибов	28
Мечтающий об убийстве	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Грань безумия Сборник детективных рассказов

Елена Гвозденко

© Елена Гвозденко, 2020

ISBN 978-5-0051-0791-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Грань безумия

Илья

Если спросить у случайных прохожих, считают ли они себя сумасшедшими, сколько из них ответят искренне, как понять, что человек сомневается в психическом здоровье? Если бы меня спросили, как бы ответил я? Так ли это важно, если я и буду отрицать, меня обязательно что-то выдаст. Надо попробовать представить, подойти к зеркалу и посмотреть. Вот подходит ко мне мужчина средних лет, нет, надо обязательно его представить. Ничего не получается, тогда представлю соседа с восьмого этажа, напыщенного отца семейства с приклеенным к лицу недовольством. Вот подходит этот нарцисс и спрашивает: «А скажите, Илья Сергеевич, вы не страдаете психическими заболеваниями?»

Ох, как забегали глаза, как уменьшились зрачки, рука потянулась к переносице. Я где-то читал, что рука тянется к лицу, когда человек хочет что-то скрыть. Нет, определенно, с моим разумом случилась беда. Вот и эти монологи, долгие разговоры с собой, разве будет нормальный человек говорить сам с собой? Как долго я смогу скрывать безумие от окружающих, я совсем не хочу в лечебницу?

Работа, главное, чтобы не догадались на работе! Интересно, как скоро я забуду технологии, не смогу руководить процессом? Хорошо хоть занимаемся садовыми домиками дол-

го, ничего нового, алгоритм откатан и работники справляются даже без меня.

Нет, так не пойдет, надо бороться, надо что-то делать. Что? Идти к врачу, чтобы сдать себя? Придумал, надо попробовать писать, вести дневник, это лучше, чем диалоги с собой. Дневник!

Запись первая

Когда все началось? Когда обнаружил кошку в запертой квартире? Нет, первым был флаер, не тот, что лежал на тумбочке в прихожей, а повешенный на ручку входной двери. Почему я обратил на него внимание, ведь листовки появляются часто, все время что-то предлагают купить, заказать, заманивают скидками, их фирма делает такие рассылки? Предлагают, ключевое слово – предлагают. Та листовка, скорее, напоминала плакат: надпись «следим за тобой» на фоне огромного глаза, и никаких контактов, абсолютно никаких! Да, я тогда еще подумал, что дополнительную информацию они опубликуют в следующих выпусках. Даже ждал, все хотелось хоть раз застать промоутеров за работой, они мне казались бесплотными теньями. Но листовки так и не появились, тогда я решил, что просто отказались от акции.

Почему это вызвало во мне беспокойство, болезнь уже зарождалась? Может, и не было того листка? Нет, так можно далеко зайти, так можно утверждать, что ничего не было позже. Через неделю второй флаер все-же появился, лежал се-

бе на тумбочке в прихожей, материализовавшись из ниоткуда. Кажется, я начинаю сомневаться, возможно, сам положил его туда, положил и не заметил? Мы тогда сдавали домик старому зануде, все устали.

Значит, рекламный мусор, с надписью «ты под прицелом», я выдумал. Но как быть с кошкой или котом, кто их разберет... Наглой черной кошкой с седыми проплешинами, лежащей на моем диване? Кошкой, которая проникла сквозь стены, потому как по-другому попасть не могла: ключи только у меня, двери и окна я запираю. Кошка даже не испугалась, заметив меня, лениво потягивалась и не спешила спрыгивать с дивана.

Олег

Что за день – работы нет, заказчиков теряем. Говорил же Сергею Ивановичу – кризис, надо снижать стоимость услуг, мы же не одни в городе окна устанавливаем. Не хочет, а нам что делать? Лучше маленький доход, но постоянный, чем такие перерывы. Хорошо, хоть у Олеси платят стабильно, но мало. Чувствую себя при этом скверно, живу за счет девушки, надо искать новую работу, может, Илье позвонить? Не успел подумать, как Илюха сам идет навстречу. Станный он какой-то: лохматый, мятый, выглядит больным. Остановил, а он посмотрел, будто не узнал, будто и не было девяти лет в одной комнате детдома, махнул рукой и пошел прочь. Догонять не стал, разговаривать не хочет – пусть идет. Илюха

не из разговорчивых, даже в детстве, когда мальчишки, пряча слезы за злостью, клялись отомстить бросившим родителям, он всегда молчал. Этого Илюхе простить не могли. Как-то Колька Сорокин налетел на него с криком: «А ты, маменькин сыночек, простишь, забудешь все и побежишь за юбкой». «Не знаю», – честно ответил Илья. И за честность свою был бит, детдомовцы старались избавиться от тоски о тех, кто так и не стал родителем.

Они не были особенно близки, с Ильей вообще было трудно дружить, но он был членом их братства, членом их семьи.

Илья позвонил, когда я сидел на сайтах трудоустройства.

– Здравствуй, Олег, – пауза. – Это Маренков.

– Привет, Илья, догадался, – я старался придать шутливый тон разговору. Даже по телефону можно понять, как напряжен Маренков. – Как у тебя дела?

– Плохо, Олег. Ты можешь прийти?

– Что случилось?

– Не по телефону. Так можешь?

– Когда?

– Прямо сейчас.

Неожиданно Илья отключился. Я попытался перезвонить, но номер не отвечал. Адрес Маренкова я помнил плохо, был у него всего лишь раз. Вопреки ожиданиям, дом нашел сразу, вспомнил, что друг в тот раз радостно говорил, что всегда мечтал о третьем этаже и с гордостью показывал балкон, уставленный цветами. Я перепутал лишь подъезд. При-

шлось объяснять открывшей старушке, что я ничего не продаю и не проверяю счетчики, а просто ошибся. В подъезде приятеля меня встретила черная кошка и, потершись о ногу, взяла на себя роль проводника. Она остановилась точно у квартиры Ильи и выжидательно смотрела, так что на кнопку звонка я жал под ее пристальным взглядом.

Илья, распахнув дверь, что-то буркнул, а потом увидел кошку. Я никогда не замечал за ним такой нервозности, Маренков побледнел, стал жадно вдыхать открытым ртом, мне показалось, что он теряет сознание.

– Илья, что? – спросил я, захлопнув дверь. Кошка по-хозяйски проскочила внутрь.

– Кошка... или кот...

– Твоя кошка? Что испугался-то?

– Это та самая...

– Ничего не понимаю, пойдем, попьем чайку, ты все мне объяснишь, – я направился в кухню, благо ее и искать не пришлось, в крошечных квартирах все открыто от порога.

– Чай? Чай? – Илья будто пытался вспомнить, что означает это слово.

– Чай. Надеюсь, у тебя найдется пакетик, и он не будет многоразовым? – я все еще пытался шутить, вспоминая наши бородатые остроты.

– Пакетик?

Усадив Маренкова на стул, принялся изучать содержимое кухонного шкафчика. Нашелся и чай, и какие-то конфеты.

– Пей, – поставил я чашку перед Ильей. Тот послушно отпил и закашлялся. – А теперь рассказывай.

– Что?

– Все. Ты же не просто так позвал меня? Что случилось?

– Я сошел с ума.

Илья

Зачем я его позвал, подался минутной слабости? Чем он поможет? Это только в детстве он мог решить любую проблему или почти любую. Олег появился в их общем доме в восемь лет, его сдала бабушка, пообещав забрать через полгода. Вера в то, что он здесь ненадолго, помогла пережить самые трудные, первые, дни. Я с интересом расспрашивал соседа по комнате о бабушке, о жизни в городе. Мои представления о мире за серым забором складывались из наблюдений во время экскурсий, рассказы Олега я слушал с жадностью. Меня интересовало все: машины, техника, дома, впечатления о поездках в поезде. Новичок возбужденно рассказывал, и однажды наши ночные разговоры услышала Птица, так мы за глаза называли Синицину Ольгу Борисовну, ночную воспитательницу. Не было в интернате человека, которого боялись бы сильнее. Даже директриса пугала меньше, ее почти не замечали, а вот Птица... Она приходила только по ночам, подолгу пила чай в комнате воспитателей. А потом устраивала обход. После рейда в коридоре появлялся строй полураздетых, босых детей, перебирающих ногами на ледяном по-

лу. Иногда стояли до утра, садиться и просто прислоняться к стенке запрещалось. Но страшнее свинцовой усталости был стыд, когда мимо в туалет пробежали мальчишки и девочки. В ту ночь она услышала громкий шепот Олега. Когда его выводила в коридор, я принялся громко кричать. Так мы оказались вдвоем у стены позора. Позже Птица притащила упирающуюся, всхлипывающую Люську. Одна косичка расплелась, а вторая торчала, словно свалывшийся хвост дворняги Полкашки.

Почему он сейчас вспомнил эту ужасную сцену? Детство давно прошло, в его жизни больше нет Птицы. Чем она там нас пугала? Тем, что отдаст в психбольницу? Ее прогнозы сбываются...

Вместе с Олегом пришла и та страшная кошка. Я помню, что выгонял ее, когда это было? Олег задает какие-то вопросы, зачем-то роется в моем шкафчике. Чай, он заваривает чай! Зачем мне чай? Я поперхнулся от горячего напитка.

Олег

Не ожидал я застать Илью в таком состоянии. Способность к мало-мальски связной речи он обрел только после двух чашек крепкого чая. История, которую он мне рассказал, выглядит нелепо. По его словам, в его квартире происходят странные вещи, то появляется кошка, то какой-то рекламный буклет, то пакет с окровавленной одеждой. Когда попросил показать эту одежду, Илья заявил, что выбросил

ее вместе с пакетом.

– Ты просишь доказательств? Пойдем, – он потащил меня в комнату к ноутбуку.

– Что там?

– Смотри, я начал вести записи. Вот первая, в которой написал об этом рекламном листке и о кошке. А вчера появилась вторая. Я не писал этого, я вообще не понимаю, о какой Светлане идет речь, у меня никогда не было девушек с таким именем. Но доступ к компьютеру, сам понимаешь, только у меня. Я не выкладывал ничего в сеть. Читай!

Запись вторая

«Ну вот и свершилось, решился, я знал об этом с момента нашей первой встречи со Светланой. Мы познакомились в кафе на углу нашей улицы. Она сидела за столиком у окна и потягивала кофе, разглядывая пыльный пейзаж. Я всегда покупал там круассаны и горячие пончики, покупал и уходил, не люблю есть в общественных местах».

– Ты, действительно, был в этом кафе? – Олег оторвался от чтения.

– Я покупаю там выпечку, удобно, всегда все свежее и рядом с домом. Но, клянусь, я не видел никакой Светланы, тем более, никогда не сидел там за чашкой кофе. Не люблю забегаловки, никакие, предпочитаю есть за своим столом и из своей посуды.

– Здесь так и написано.

– Читай дальше.

«Но не в тот раз. Я сел за тот же столик, девушка была к этому готова, ведь вокруг столько свободных мест. Я ей понравился? Не помню, о чем мы говорили в тот раз, но через полчаса я ушел, а она осталась. Мы обменялись телефонами, хоть я и не собирался ей звонить, пугала картина, возникшая перед глазами: обмякшее женское тело и кровь, струящаяся по моим рукам. Она позвонила сама, и мы договорились о встрече.

Мы встречались четыре раза, бродили по набережной, пару раз заходили в кафе, сидели в городском парке. Каждый раз она пыталась продолжить наше общение, но я уходил, придумывая предлог на ходу. Когда она позвонила в пятый раз, хотел не брать трубку, но зачем-то ответил...

Мы гуляли по центральным улицам, она заходила в бутики, рассматривала витрины, лукаво улыбаясь. Но я не собирался тратить деньги, у меня были другие планы.

Ничего бы не случилось, если бы она не потащила меня в этот парк. Возможно, она верила, что там я окажусь смелее. Смешно... Да, именно там я решился. Стоял и смотрел на тело, из которого уходит жизнь. Пригодился нож, который носил в кармане куртки с момента встречи с ней. Как же я радовался своей предусмотрительности, предварительно снял куртку и бросил на какой-то куст. Ее взгляд стал игривым, и она доверчиво прижалась ко мне. Трудно подобрать слова, чтобы описать мои ощущения, когда я видел, как в ее глазах

флирт сменяется растерянностью, а позже, болью и страхом.

На темных брюках пятен не видно, а куртка прикрыла испачканную рубашку. Для подстраховки, я бродил по городским окраинам до темноты, прежде чем решился попасть под обстрел фонарей центральных улиц.

Все получилось. Дома я сложил одежду в пакет и сел записать свои впечатления, пока они такие яркие. Как же хочется спать...»

– Когда ты это обнаружил? – спросил Олег, дочитав.

– Сегодня. После того, как утром нашел пакет. Он был спрятан в кладовой. В пакете мои вещи, Олег – брюки, рубашка, но я не носил их с прошлого года. Они висели в шкафу.

– Вещи, действительно... были испачканы?

– Да. Я читал об этом, когнитивный диссонанс, раздвоение личности, когда одна часть тебя не знает, что творит другая.

– Что ты сделал с вещами?

– Выбросил. Просто выбросил в какой-то мусорный бак.

– В какой?

– Да не помню! Я ничего не помню, не помню эту Светлану, совсем, понимаешь?

Олег вышел на балкон и долго с кем-то говорил по телефону, а, вернувшись, перекинул на флешку странный текст.

– Ты пойдешь ко мне, к нам с Олесей. Я должен кое-что выяснить.

– Что ты хочешь выяснить и зачем ведешь в свой дом ненормального убийцу?

– Давай, одевайся, не могу же я идти по городу с мужиком в трусах.

– Это спортивные шорты, – среагировал Илья. Но послушно прошел в комнату, и вскоре вышел одетым.

Олег

Как же мне повезло с Олесей, другая бы возмутилась, что веду в дом безумца, да и еще и возможного убийцу. А Олеся ждала за накрытым столом, успела приготовить ужин. Она шутила, штурмовала Илью вопросами, и приятель начал улыбаться. За столом вспоминали забавные случаи из детства, Олеся рассказывала о придирчивых клиентах, я вспомнил, как однажды мы перепутали адрес и установили окно соседке заказчика. Олеся постелила гостю в темной спальне, небольшой комнате, которую мы хотели переделать в гардеробную, но так и не собрались.

– Что ты планируешь делать? – шептала девушка, прижавшись ко мне.

– Для начала с утра позвоню Егору, он работает в фирме, устанавливающей камеры слежения.

– Ты, действительно, уверен, что кто-то разыгрывает Илью?

– Олеся, если бы я хоть на минуту усомнился в Маренкове, я бы не пригласил его в наш дом.

– Мне кажется, ему стоит какое-то время пожить у нас.

– Мне тоже так кажется. Но... – я замялся.

– Ты думаешь обо мне?

– Да.

– Значит, сомневаешься. Не переживай, Катька просила подменить, так что я буду работать в свои выходные. Недели хватит разобраться?

– Надеюсь, что да.

Утром, проводив Олесю, набрал номер телефона Сергея Ивановича и впервые обрадовался отсутствию заказов. Егор ответил сразу и согласился встретиться, продиктовал адрес заказчика, где он будет через пару часов. Все складывается удачно: и работа Олеси, и мое временное безделье, и заказчики Егора, проживающие в пяти минутах от моего дома.

– Что будем делать, спросил Илья, неожиданно появившийся на пороге кухни.

– Для начала выпьем кофе или чай, что ты предпочитаешь?

– Чай, я люблю черный чай.

– Когда тебе на работу?

– На работу? Думаешь, мне стоит пойти?

– Илья, ничего не случилось. Тебя кто-то разыгрывает, не могу понять, кому понадобился такой розыгрыш. Но ты же не хочешь стать безработным? Когда ты там был в последний раз?

– На прошлой неделе. Я не мог...

– Звони своему шефу, – я сунул ему телефон.

Пока он разговаривал, я думал, как все же уязвима наша личность, как легко из сильного, уверенного человека превратиться в испуганного ребенка.

– Просил подъехать, оказывается, заказчик так и не принял работу, на редкость капризный заказчик.

– Тогда завтракай и вперед. Как закончишь, позвони, я сегодня не на работе, постараюсь быть дома. И отдай мне ключи от своей квартиры, хочу кое-что проверить.

– Думаешь, спектакль?

– Уверен. Ты давал кому-нибудь ключи в последнее время?

– Нет, я недавно устанавливал дверь, ключи только у меня. Да и кому я могу их дать?

– Ну не знаю, может, девушке.

– У меня нет девушки...

– Стоп, говоришь, устанавливал дверь. Когда это было?

– Дней десять назад.

– А помнишь, где ты ее заказывал?

– Конечно, – Илья написал адрес фирмы. – Олег, кому все это может быть нужно? Взять с меня нечего, мстить, я не знаю, за что мне можно так мстить. Знаешь, как страшно, когда не можешь доверять... себе.

Илья

Сегодня чувствую себя гораздо лучше, прав Олег, кто-то

играет со мной в странную игру. Как же хорошо, что есть наше братство. И девушка Олега хороша, достойная девушка. А вдруг я ее как Светлану? Это не мои мысли, это всего лишь навязанные страхи. Только кем?

Дмитрий Андреевич ждал в офисе, похоже, заказчик, действительно, проблемный.

– Илья, рад тебя видеть, болел? – произнес руководитель с таким участием, что я понял, меня ждет трудный день.

– Немного.

– А у нас тут такое. Представляешь, дом, что вы закончили, тот, в Овражино, до сих пор не оплачен.

– Почему?

– Знаешь, Илья, я с таким сталкиваюсь впервые. Клиент вообще отказывается платить, говорит, что с нас и предоплаты достаточно.

– Так это же десять процентов...

– Да! Не покрывает наших расходов даже на четвертую часть.

– А через суд?

– Понимаешь, тут такое дело, клиент-то не из простых. Собрал на нас компромат, ну там серые схемы и все такое прочее...

– Как?

– Значит, есть такие возможности. Я все думаю, не Попов ли подослал?

Попов был конкурентом фирмы, в которой я работал,

и противостояние давно утратило разумные формы.

– Хорошо, а я чем могу помочь? Я же к этим схемам никакого отношения не имею, я просто прораб, мое дело собрать дом и сделать это качественно. Может попробовать разобрать?

– Я уже думал, но где гарантия, что он не пойдет в суд и не вывалит все эти бумажки? Понимаешь, ты с ним общался, может у тебя получится?

– Получится что?

– Уговорить его заплатить. Я готов на большую скидку, пусть оплатит только шестьдесят процентов.

– Я не умею уговаривать!

– Илья, просто попробуй. Вот, я тут раздобыл адрес его работы, – шеф протянул визитку.

– Банк «Копилка»?

– Это микрофинансовая организация, я узнавал.

– Неудачная идея, Дмитрий Андреевич, но я попробую.

«Нашел парламентаря», – думал я, выходя из офиса.

По дороге к «Копилке» все время думал, о записи, которую кто-то опубликовал в моем дневнике, ну если принять версию Олега. Тот, кто писал, знает, что я не люблю общепиты. Кто это может знать? А ведь Кирилл Борисович, заказчик, к которому сейчас еду, знает! Он как-то приглашал меня в забегаловку, «обсудить детали». Тогда я сказал, что не люблю подобные заведения. Неужели он? Но зачем?

Олег

Егор не стал задавать лишних вопросов, это хорошо. Он нисколько не удивился, что моему другу понадобились камеры слежения.

– Знаешь, Олег, я ведь закон сейчас нарушаю, – говорил он, монтируя крошечный «глазок» над входной дверью. – К тому же квартира тебе не принадлежит, откуда я знаю, может, ты шантажировать хозяина хочешь?

– Егор, хочешь, я ему позвоню?

– Верю на слово, – рассмеялся приятель. – Смотри, я подключил программу, можешь наблюдать с телефона. И вот еще, не знаю, что тут происходит, но на всякий случай, – Егор достал из кармана визитку, – это очень хороший частный детектив.

Илья

Интересно, на что рассчитывал Дмитрий Андреевич, когда посылал на встречу с заказчиком? Уверял, что договорился, что Кирилл Борисович будет ждать, но никто его не ждал, да и телефон был отключен. Девушка – администратор, или как там ее называют, никакой информации дать не могла. Может это и к лучшему, в конце концов, надо заниматься и другими объектами.

Через два дня

Олег

Вот и попался, голубчик, плохо, лица не разглядеть, прикрывшись капюшоном. Осторожный, в перчатках, сразу к ноутбуку, печатает. Что же ты там печатаешь, интересно? Вот, вроде фрагмент лица. Допечатал, даже крышечку закрыл. Открыл шкаф, роется в вещах. Выскользнул. Да, плохо, что лицо все время прячет, может, знает о камерах?

Я с трудом дождался, когда Илья вернется с работы. За эти дни друг успокоился, приходил поздно, о безумии больше не заговаривал.

– Кому это надо? Ничего не понимаю, – спросил Илья, просмотрев видео.

Не стали ждать Олесю, наскоро поужинав, отправились в квартиру Ильи. Теперь, когда знали, что это не бред, не вымысел Маренкова, мы стали осторожнее. Я не представляю, что было бы с Илей, если бы он прочел новую запись без видео, доказывающее невиновность.

«Шутник» не просто описывал преступление, он утверждал, что Светлана – вторая жертва. Рассказывал о какой-то Анне, первой девушке, пострадавшей, якобы, от рук друга. Расписывал подробности давнего преступления и утверждал, что «сувенир от Ани» остался в доме на Лунной.

– Зачем, зачем все это? – твердил Маренков одну и ту же фразу.

«Сюрприз от Светланы» нашелся в зимней куртке Ильи, это была небольшая сережка с красным камнем.

– Откуда он знает о доме на Лунной?

– Я могу только догадываться, вероятно, в твоём окружении есть человек, связанный с шутником.

Сразу после выпуска из интерната Илья какое-то время снимал маленький домик на окраине, его сдали молодому человеку за символическую плату и за присмотр, других желающих жить в этой избушке, с удобствами на улице, не нашлось. Мы не ожидали, что Маренков с таким рвением займётся ремонтом ветхого жилища, даже шутили, что домик на Лунной вынудил его заняться строительством и ремонтом профессионально.

– Что делать-то? Если кому-то надо было городить этот огород, они ведь не успокоятся. Самое страшное, что я никак не могу понять – зачем?

– Что делать? – я протянул визитку, оставленную Егором. – По-моему, это выход.

– Частный детектив?

– Егор утверждает, что профессионал.

– Я не знаю, смогу ли заплатить, никогда не пользовался подобными услугами.

– Не поверишь, я тоже, – мне стало смешно.

На следующий день мы приехали в уютный офис, который занимала фирма, рекомендованная Егором. Нас принял Матвей Владимирович, хозяин агентства. Весьма подробно расспрашивал Маренкова, делал копии видео и дневниковых записей.

– Знаешь, Олег, – сказал мне друг, когда мы вышли от де-

тектива, – я очень благодарен тебе. Если бы не ты, боюсь даже думать, что со мной было бы. Просто спасибо.

– Ты бы поступил так же. Что думаешь делать?

– Для начала сменю замки, буду жить как прежде, если получится, этот бред не отпускает. Кому это нужно, зачем?

А через две недели Илье позвонил Матвей Владимирович:

– Я разгадал вашу тайну, приезжайте.

Домашняя обстановка кабинета детектива не могла сгладить повисшую в воздухе нервозность. Лицо Ильи, на фоне темной кожи кресла, казалось особенно бледным. Даже я еле сдерживался от вопросов. Матвей Владимирович, казалось, нарочито демонстрировал невозмутимость: попросил секретаршу принести кофе, долго перебирал папки на столе, заглядывал в монитор.

Наконец он оторвался от документов и произнес, обращаясь к Илье:

– Разрешите вас поздравить, похоже, вы – богатый наследник.

– Как? – воскликнули мы с Маренковым хором.

– Не может быть, у меня никого нет, я сирота, это ошибка, – еле слышно бормотал Илья.

– Наберитесь терпения, мои дорогие. История будет долгой.

Рассказ детектива

Начать надо с двух сестер, некогда проживавших в нашем

городе, Аллочки и Машеньки. Родились эти девочки в семье одного из городских руководителей. Мама девочек рано ушла из жизни, злые языки утверждали, что помогли ей, но внешне все выглядело естественно.

Дама имела склонность к экзальтации и дочек своих воспитала особами чувственными. Папа быстро расстался со своим вдовством, женившись на девушке молодой и такой же страстной. Подросшие дочери не пожелали оставаться в отчем доме: Аллочка переехала в столицу, а Машенька вышла замуж. Вскоре у Маши появилась дочка, Лилечка. Брак продлился недолго, Маша развелась с супругом и воспитывала Лилечку одна. Девочка росла сложной, стала рано уходить из дома, пропадала месяцами, пока однажды не сообщила матери, что ждет ребенка.

– Это моя мать? – не выдержал Илья.

– Да, это ваша мама.

– Что с ней сейчас, она жива?

– Да, но содержится в клинике для людей с душевными расстройствами. Вынужден сказать, склонность к такой болезни в вашем роду проявлялась довольно часто. Вам беспокоиться не о чем, обычно недуг проявляется довольно рано. Именно эта болезнь и стала поводом для событий, которые изначально мы расценили как розыгрыш.

Маша свой век доживала в одиночестве, а Аллочке повезло больше. Ей удалось переехать во Францию и стать супругой обеспеченного человека. Правда, она тоже довольно

скоро овдовела, от француза осталось не только состояние, но и дочь, которая, в свое время родила своей маме внуку и внука.

– Это мои...

– Да, троюродные брат и сестра. И именно они и организовали все это безумие.

– В России?

– Это не представляло никакой сложности, тем более они – лишь заказчики. Исполняли, разумеется, другие.

– Но зачем?

– Наследство! Довольно большое бабушкино наследство. Старушка, хоть никогда особо жизнью сестры не интересовалась, но в последние годы от кого-то узнала, что у Лили есть ребенок, и этот ребенок воспитывался в детском доме. К старости старушка стала сентиментальной, все мечтала часть наследства сыну Лили, вам Илья, передать. А год назад она перессорилась со всеми членами своей семьи, обвинила их в сумасшествии и переписала завещание. В новое завещание внесла один пункт – все должно достаться Илье при условии его психического здоровья.

– Так вот почему эти игры, они реально надеялись свести меня с ума!

– Да, но, признаться, я бы тоже заработал стресс, если столкнулся с тем, с чем столкнулись вы. Хотел уточнить, вам удалось договориться Кириллом Борисовичем?

– Нет, при чем здесь это?

– Есть чудесная фирма в нашем городе, «Самайн» называется.

– Оптимистично, день духов, предшественник Хэллоуина, – не выдержал я.

– Они вообще креативные ребята. Официально – это агентство по проведению праздников, на деле же берутся за всевозможные темные дела, без серьезного криминала, конечно. Подставы, слежка, поиск информации, такого рода розыгрыши. Для Кирилла Борисовича они информацию нашли, компромат на делишки вашего шефа. Ну да это – лирика. А на вашем месте, Илья, я бы оформлял загранпаспорт и ехал на встречу с родственниками. Может, и успеете застать двоюродную бабушку живой.

– Но я не понимаю, откуда они узнали о доме на Лунной? О том, что не люблю кафе?

– Профессионалы в своем роде. Уверяю, что больше никаких розыгрышей не будет. Кстати, сотрудник фирмы по установке дверей, продавший им ключи, уже уволен.

Спустя четыре месяца.

Мы с Олесей встречали Илью в аэропорту, он возвращался из Франции.

– Ты только посмотри, – восхищенно протянула моя супруга. Да-да, уже супруга.

Илью было трудно узнать – открытый взгляд, широкая улыбка.

– Друзья мои, как я вам рад!

– Илюха, неужели ты вернулся, мы думали, что останешься.

– Зря думали, не смогу жить в другой стране, и дело, конечно, не в березках.

– А как же родственники?

– Пьер и Рени? Не поверите, они тепло меня встретили.

– Это после всего, что они тут натворили?

– Кто старое помянет... Я уговорил бабушку Аллу составить завещание в пользу родных внуков.

– Но как же так?

– Это родные внуки, но она обещала не забыть и про меня. Но главное, у меня есть семья, есть братья и бабушка. А еще есть вы, самые близкие мне люди.

Из жизни грибов

После затхлого подъезда ароматы бушующей весны ощущались особенно остро. Зима в этом году задержалась – ухаживала, но снова возвращалась стылými ветрами и щедрыми метелями. Снег продержался до середины апреля, а потом, будто по команде, стек в три дня, сбегал черными ручьями в бурлящую реку. К майским праздникам все преобразилось: вычищенные улочки, подкрашенные, обновленные дворики в молодой, нежной зелени.

Ирина неторопливо шла на работу. Она любила эти утренние прогулки, только в эти часы ей казалось, что она безразлична суетящемуся городу, и все эти распутившиеся листочки, первые бутоны на газонах – только для нее. Уже десять лет она живет в городе, но с таким нетерпением ждет, когда может съездить в поселок к маме, в их маленький домик с большим огородом. В последние полгода такие поездки стали редкостью.

«Доброе утро, Ирина Владимировна», – приветствовали молодую учительницу воспитанницы на подходе к школе. В это время пискнул телефон. Она посмотрела на экран – сообщение от Алевтины Григорьевны.

«Прочту позже», – подумала Ирина. Это сообщение окажется последним – Алевтина Григорьевна умрет до наступления вечера.

Мария Федоровна открыла глаза и посмотрела на часы. Пора вставать, соседка ждать не любит. Разумеется, она не всегда приходила к ней ровно в девять, вот еще, но выслушивать лишний раз ворчание Алевтины Григорьевны не хотелось.

«Какая цаца, – думала пенсионерка, умываясь, – приходи ровно в девять, ишь ты. Сама лежит барыней, а тут бегай, убирай за ней».

Мария Федоровна много раз собиралась бросить подработку, но пенсии не хватало. А тут всего час утром, а получает столько, что можно и коммуналку оплатить, и лекарства купить. И ходить далеко не надо – Алевтина Григорьевна живет в том же подъезде.

Во дворе пожилую лежащую соседку недолюбливали, впрочем, знали о ней мало. Алевтина переехала лет десять назад. Подруг себе не завела, все общение – скупой кивок гордо поднятой головы. Изредка кто-то из любопытных дам заводил разговор о «царице», как ее прозвали во дворе, да разговоры эти тут же стихали – домыслы требовали подкрепления, а пищи для сплетен она не давала: в квартиру к себе не пускала, гостей не принимала.

Когда Алевтина Григорьевна позвонила с предложением поработать утренней сиделкой, Мария Федоровна сильно удивилась, не могла понять, откуда та знает ее номер. Позже выяснилось, что номер дали в ЖЭКе, как и рекомендацию.

Мария Федоровна всю жизнь проработала медсестрой, часто подрабатывая, ухаживаниями за больными, но таких пациентов у нее не было никогда! С первого же дня Алевтина установила жесткие правила – являться ровно в девять утра, выполнять определенные хозяйкой обязанности, не вступать в дискуссии, уходить не позже десяти часов.

– Ну как? Что узнала? – подступали соседки во дворе.

– А ничего, молчит «царица». Ох, как бы ни нужда, ни за что не согласилась. Ничего, доработаю до осени...

Но пришла осень, а за ней другая, третья, Мария Федоровна так же послушно спускалась на третий этаж ровно в девять. За эту работу получала сумму, равную половине пенсии, что уж жаловаться?

После уроков Ирина торопилась домой, Алевтина Григорьевна просила прийти днем, впустить парикмахера. И продукты заказала не совсем обычные – бутылка дорогого вина, коробка конфет, торт. Впервые за полгода, что Ирина подрабатывает у пожилой женщины, ее навещают. Странная, конечно, особа – скрытная, властная, но и платит прилично. Молодая учительница стала больше отсылать матери, хорошее подспорье. Ирина забежала домой, оставила сумку с тетрадками. До ближайшего супермаркета пять минут, успеет, Алевтина Григорьевна очень ценит пунктуальность. В магазине Ирина растерялась, она совершенно не разбиралась в марках вин, что выбрать? В сообщении об этом не было ни

слова. Набрала знакомый номер, но связи почему-то не было. Надо искать консультанта.

Мария Федоровна возвращалась из магазина, открыла подъездную дверь и обнаружила, что лифт не работает. Пришлось подниматься пешком. На площадке третьего этажа зашумела, у пакета оборвалась ручка. И именно поэтому услышала, как за дверью квартиры ее подопечной кто-то ходит, зашумела вода. Робко постучала, прислушиваясь к звукам. Ей открыла Ирина, бледная как обезжиренное молоко.

Она беззвучно хватала ртом воздух и показывала вглубь квартиры, туда, где на высокой кровати в кружевном обрамлении изысканного белья, обитала хозяйка дома.

– Ирина, что произошло?

– Телефон... у меня сел телефон... надо вызвать скорую...

Алевтина Григорьевна лежала поперек кровати, голова свесилась до самого пола. На полу – старый фотоальбом. Разлетевшиеся фотографии будто очерчивали границу смертного ложа.

– Да тут и без врачей все понятно, но скорую и полицию вызвать надо.

Пока ждали приезда скорой, начали собираться соседи. Пришлось выйти на лестничную площадку, мало ли, вдруг в квартире побывал кто-то чужой.

Мария Федоровна подошла к дрожащей Ирине:

– Это ты достала фотоальбом из шкафа? Утром его не было.

– Нет. Я только зашла, Алевтина Григорьевна просила впустить парикмахера. Заказ странный сделала: вино, конфеты, ждала кого-то.

– Того, кто ее убил, – тихо произнесла пенсионерка.

– Вы полагаете?

– Видела, как посинело лицо? – громко зашептала на ухо вечерней сиделке. Но, заметив, как напряглись прислушивающиеся соседи, смолкла.

Через пару часов о событии напоминала лишь опечатанная дверь. Тело увезли, свидетелей опросили.

Ирина, наконец, оказалась дома. Выпила успокоительное, наполнила ванну. И тут в квартиру позвонили. На пороге стояла Мария Федоровна, ванну пришлось отложить.

Пока Ирина грела чайник, сервировала стол, женщины молчали. Пенсионерка поглядывала на вазочку с вареньем и на корзину с суховатыми пирожными.

– А что же, тортик-то в квартире Алевтины Григорьевны остался? И вино? А то выпили бы сейчас за упокой души. Хоть и тяжелым человеком была покойница, да все же человеком, – взгляд стал колючим, осуждающим.

– Думаете, я ее? – тяжело осела Ирина.

– По всему выходит, что ты. Ключи-то у нас двоих были, у сиделок: утренней и вечерней. Я не убивала.

– И я не убивала...

– Правда?

– Хотела – да, но не убивала. Да и вообще, мне ее смерть совсем не выгодна.

– Да и я в убытке, теперь придется подработку искать, пенсии не хватит.

– Нет, я не про это. Алевтина Григорьевна – моя бабушка.

– Что? – выдохнула Мария Федоровна.

Нудный осенний дождь заливал стекло автобуса.

«Еще полчаса», – уговаривала себя Аля, прижимая к груди всхлипывающий комок, замотанный в обрезанное одеяло. Голова кружилось, ее тошнило. Больше всего она боялась потерять сознание, не завершив задуманное.

– Доченька, плохо тебе? – встревоженное лицо старушки возникло прямо перед глазами. – Может поддержать? Кто у тебя: девка, пацан?

– Мальчишка, – соврала Алевтина.

Автобус фыркнул, и водитель объявил, поглядывая в зеркало:

– Сосновка.

На воздухе стало легче. Алевтина дождалась, пока автобус скроется в сером осеннем сумраке, и только после этого медленно пошла к лесу. Струйки ледяной воды стекали за воротник. Женщину знобило. В лес пробралась сквозь кусты, по тропке было рискованно. Нашла подходящую ямку от вырванного пня, положила младенца и прикрыла найден-

ными ветками. Девочка уже не плакала.

– Тебе лучше умереть быстро, – шепнула напоследок, отправившись в сторону автобусной остановки.

Ирина принесла из комнаты фотографии и разложила их перед гостьей.

– Пятьдесят лет назад мой дедушка отправился в лес за грибами, это и спасло мою маму. Младенец выжил, хоть и сильно болел. Горе-мамаша оставила новорожденную девочку в лесу, в яме. Дело было в дождливый холодный, осенний день, окажись там дед на час позже – обнаружил бы трупик. Мамашу так и не нашли, правда, водитель автобуса рассказал, что высадил у Сосновки молодую женщину с ребенком. Женщина эта приехала из города, туда, вероятно, и вернулась. Девочку удочерили, и до поры она росла, не зная, что приемная. Но поселок есть поселок, доброжелатели нашептали правду. Мне кажется, это предопределило судьбу моей мамы. Она жертва – беззащитная, робкая, потому и с отцом моим не сложилось, я его даже не знаю, меня воспитывали дедушка и бабушка. Ну и мама, конечно...

– Но почему ты решила, что твоя бабушка – Алевтина Григорьевна?

– Сделала ДНК. Взяла волосы нашей старушки, родство подтвердилось.

– Поэтому ты так просила порекомендовать тебя... Но как вообще узнала, что она?

– Помог Интернет и... случай.

Алевтина быстро шла на поправку, за неделю обрела форму. С удовольствием рассматривала свое отражение – стройная, гибкая, как до «казуса». Когда вернулась, коллеги даже не заподозрили ничего, лишь отметили, что похудела. Женщина объяснила, что проболела весь отпуск. О ребенке вспоминала редко, только в качестве повода не забывать о контрацепции. Карьера резко пошла в гору, Алевтина Григорьевна уверенно поднималась по иерархической лестнице горкома комсомола, не останавливаясь ни перед чем.

– Старушка наша всеми днями развлекалась, сидела в Интернете, активно общалась. Даже блоги вела, анонимно, правда.

– Я ничего не понимаю. Не разбираюсь я, доченька, в этом.

– Интернет очень похож на реальную жизнь. Есть различные площадки, ну вроде клубов, дворов, где люди разговаривают, что-то рассказывают. Любой может вставить реплику, обсудить. На одном из форумов я прочла историю очень похожую на историю моей мамы, правда, там младенца выбросили в мусорный контейнер. Меня удивила реакция одной участницы, она писала, что зря младенец не умер, мол, родная мать знает, от кого родила, какие гены заложены в этом ребенке. Не знаю, мистика какая-то, я столько хамства в Сети видела, а тут почему-то задело... Знакомый

программист вычислил пользователя, написавшего комментарий. Она особо и не пряталась, вероятно, мало понимала в этом. А может не видела угрозы... В социальной сети увидела ее фотографии в молодости. Вот, смотрите: это – наша Алевтина, а это – моя мама...

– Одно лицо, – охнула Мария Федоровна.

– Но я должна была удостовериться. Адрес узнала легко. По странной случайности, дом находился рядом со школой, в которой преподаю. Сняла квартиру в этом подъезде и стала искать возможность попасть домой к Алевтине.

– Но она кого-то ждала сегодня, или это твоя выдумка?

– Нет, ждала. Меня ждала, только не знала, что это я. Я переписывалась с ней в Интернете, анонимно. Сообщила, что девочка ее выжила, что жива-здорова до сих пор, а сама она – бабушка. Старуха явно оживилась, может одиночество надоело? А я ничего плохого не хотела, мне надо маму вытащить из поселка: работы нет, денег нет, одна, больная...

– И ты рассчитывала, что Алевтина рассиропится? Женщина, бросившая своего ребенка умирать?

Вино она выбрала по своему вкусу. Как и конфеты. Вошла, по-хозяйски придвинула сервировочный столик, достала два бокала, открыла бутылку, распечатала коробку с конфетами.

Алевтина Григорьевна даже онемела, но быстро взяла себя в руки:

– Что вы себе позволяете, милочка? Надоело работать?

Всегдашнее, подчеркнутое «вы», презрительное «милочка». Ирина молча заполнила бокалы, протянула один старухе:

– Выпьем за знакомство, бабушка?

– Как? Вы... ты...

– Да-да, я, твоя внучка. А это, – молодая женщина протянула приготовленное фото, – твоя дочь, моя мама. Дочь, которую тебе не удалось убить. Где твои фото? – Ирина бросилась к шкафу, достала старый альбом, нашла подходящую фотографию и протянула хозяйке квартиры. – Посмотри, одно лицо, не так ли?

Губы старухи презрительно скривились:

– Не умерла. Живучее отродье... И что вы хотите?

– Неужели ничего тебя не мучает? – Ирина в ужасе смотрела на бабушку. – Я все о тебе знаю, о твоей карьере, о том, что после перестройки ты отлично устроилась в городском комитете. И о квартирах твоих знаю. Зачем тебе столько денег, деньги с аренды пяти квартир тебе не истратить.

– За богатством моим охотитесь? Знала бы ты, через что я прошла, зарабатывая на это.

– Догадываюсь, судя по тому, что ты сделала с моей мамой. Так вот, я предлагаю без всяких скандалов переоформить на нее одну из своих квартир. Любую, на твое усмотрение. И мы забываем друг о друге.

– А почему я должна что-то дарить выродкам? Или рас-

считываешь на мое раскаяние?

– Хотя бы потому, что я могу обнародовать эту историю, расписать ее такими красками, что у твоей квартиры будут дежурить желающие придушить тебя собственными руками.

– Испугала ежа... Не тебе, девочка, со мной тягаться, не таких на место ставила.

– Дед часто шутил: «Мама твоя – родом из сказки. Пошел за грибами, а нашел доченьку, Опеночку». Да только настоящий гриб – не мама, гриб – это ты, плесень...

Ненависть затянула кровавой пеленой глаза Ирины. Она подошла к постели старухи, выдернула подушку из-под ее головы и хотела, было, опустить на ненавистное лицо, но тут старуха стала сползать. Она хрипела, хваталась за горло. Ирина так и стояла над ней с прижатой к своей груди подушкой. Стояла до тех пор, пока Алевтина Григорьевна не испустила дух. Потом бросилась на кухню, сполоснула бокалы, отодвинула столик. И тут в дверь постучали...

– Застали меня врасплох. Я, признаться, испугалась. Не убивала я ее, хотя и хотела. Бог миловал...

Уголовное дело не завели, медики признали смерть пожилой женщины естественной.

Мечтающий об убийстве

Впервые я захотел ее убить еще в октябре, подумал и ужаснулся собственному желанию.

В тот день я вернулся с успешных переговоров, даже не отметив сделку со своим партнером, хотя тот и настаивал. Сидел в полутемной гостиной за чашкой кофе, сидел и смотрел на пустую стену напротив, понимая, что контракт, несущий значительную прибыль, больше не радует. Как не радует некогда уютный дом, спокойствие сосновой рощи за забором, возможность в любое время оказаться практически в любой точке мира, не возбуждают молодые женщины, не интересуется дочь, давно проживающая в другой стране. Не будоражит кровь предпринимательский риск. Ничего-го.

Я весь состою из пустоты, растерявшей чувства, хотя нет, одно все же осталось – ненависть к собственной жене. Оно настолько срослось со мной, что утратило остроту, стало чем-то естественным: как дышать, есть, спать. Естественным стал и страх при ее появлении. Я долго не мог понять его природу, не мог объяснить – что именно боюсь, страх просто всплывал как вечный спутник ненависти. Именно тогда и пришло откровение – это страх, что когда-нибудь стану убийцей.

В тот же миг, как фантом, как знак, в гостиную вошла же-

на. Ее не должно быть в доме, сюда она приезжала редко, предпочитая городскую квартиру, а уж в осенний будничный день...

– Опять пьешь, – кивнула на бутылку коньяка.

– Нет, пью кофе, – я ненавидел себя за бесконечные оправдания. – Странно, что ты здесь.

– Приехала поработать, у соседей ремонт, шумят до поздней ночи, а мне надо закончить рецензию на диссертацию.

И все – никаких вопросов, ничего, прошла на кухню, вернулась со стаканом сока, расположилась в кресле напротив, буравя взглядом.

В этом она вся – ни малейшего интереса к моим делам, делающим ее обеспеченной женщиной. Она всегда считала, главное в жизни нашей семьи – ее служение науке, все эти дипломы, диссертации, конференции, чертовы концепции, а мой бизнес – игрушка недоумка. Кажущееся равнодушие к бизнесу и подтолкнуло совершить главную ошибку, ошибку, сделавшую меня заложником. Год назад я окончательно обезумел, переписав бизнес на нее, Кутепову Жанну Борисовну, мою супругу. Развод стал невозможен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.